

Глава 26

Госпожа Чэнь распахнула створку сундука и принялась вынимать одежду. На самом дне она наткнулась на стопку новых постельных принадлежностей и на мгновение замерла.

Госпожа Цзян, закончив сборы во флигеле, вошла в комнату.

— Матушка, всё ли мы взяли? — спросила она.

Женщина, решительно подхватив аккуратно сложенные одеяла, направилась к выходу.

— Кажется, всё. У старшего обувь горит на ногах, положи ему ещё несколько пар про запас.

Невестка кивнула и поспешила обратно.

Одеяла, одежда, обувь, плетёные короба, топоры, тазы и мешки с зерном — госпожа Чэнь ещё несколько раз придирчиво осмотрела каждую вещь, прежде чем позволить погрузить их в повозку.

Ли Маоцюнь поспешно подошёл к ним и, увидев гору поклажи в телеге, хлопнул себя по лбу.

— Чуть не забыл! — крикнул он. — Погодите, я мигом соберу вещи. Только дождитесь меня!

Не дожидаясь ответа Ли Цинжуй, он со всех ног бросился к своему дому. Матушка Чэнь проводила его взглядом и с сомнением спросила:

— И что это дядя Маоцюнь задумал?

— Решил идти с нами до самого Пограничного города, — со вздохом ответил Ли Цинжуй. — Места там гиблые, кругом зверьё да лихие люди, это не в окружной центр по тракту скататься...

Заметив, как в глазах жены блеснули слёзы, юноша тут же умолк, не желая лишний раз тревожить её сердце.

Госпожа Чэнь собрала в доме все деньги до последней монеты и, не оставив себе ни гроша, сунула увесистый кошелек старшему сыну.

— Цинжуй, хватит ли этого?

В народе говорят: «Дома — нужда, в пути — богатство». На такой длинной дороге случиться может всякое, и никакая сумма не казалась достаточной для спокойствия.

Цинжуй всё понимал, но постарался ободрить мать:

— Хватит, матушка, не беспокойтесь. Мне ещё никогда не доводилось держать в руках столько серебра.

Мать лишь тяжело вздохнула и, подумав, добавила к вещам дорожный несесер с иглами и нитками. Путь в обе стороны займёт не один месяц, одежда и обувь неизбежно износятся, а дыры, какими бы они ни были, лучше заштопать вовремя.

Ли Цинжуй не стал уезжать тайком — он знал, что Ли Маоцунь всё равно их догонит, а потому решил дожждаться. Дядя вернулся на удивление быстро, неся в руках лишь тощий узел с вещами — такой же, с каким он когда-то отправлялся в столицу провинции.

— Поехали! Негоже время терять! — крикнул Маоцунь, запрыгивая в повозку.

В уездном городе младшие братья тоже не сидели сложа руки. Ли Цинвэнь с братьями отыскали плотника и заказали пару костылей и лёгкие носилки. Работа была плевой, но из-за спешки пришлось переплатить. Времени на споры не оставалось — завтра они должны были выступить.

Ли Цинчжо вернулся в «Зал Возвращения Весны», выгреб из карманов все свои сбережения и деньги брата, закупив на них двадцать порций лекарственных трав. Свертки, туго перевязанные пеньковой верёвкой, он бережно уложил в свой заплечный короб.

По дороге Ли Цинжуй ещё раз попытался вразумить Ли Маоцуня, расписывая тяготы и опасности Севера, но тот был непоколебим, словно проглотил железный отвес.

Болезнь задержала Маоцуня в городе на несколько дней, а когда он вернулся, ни мать, ни братья даже не поинтересовались его самочувствием. Это безразличие окончательно остудило его и без того израненную душу.

В пути он заболел, и семья Ли не только осталась подле него, но и оплатила услуги лекаря. Ли Маоцунь не мог допустить, чтобы этот долг повис на нём мёртвым грузом. Когда же он потребовал у матери денег, чтобы расплатиться с племянником, госпожа Чжан наотрез отказалась. Сначала она прибеднялась, говоря, что денег нет, а потом и вовсе велела идти на поклон ко второму дедушке. Маоцунь пришёл в ярость: у него были живая мать и старшие братья, с какой стати он должен был побираться у чужих людей?

Братья лишь развели руками, вторя матери. В отчаянии Ли Маоцунь решил забрать часть семейного зерна, чтобы продать его и отдать долг, и тогда вспыхнула драка. Видя, как госпожа

Чжан с воплями и причитаниями снова собирается бежать к дому Ли Бэньшаня, мужчина сцепил зубы так, что они чуть не раскрошились, и в гневе ушёл в горы.

Уж лучше делить кров с северным ветром и мёрзлой землёй, чем оставаться в этом гнилом, зловонном доме.

Он не хотел, чтобы его дразги обременяли семью второго дедушки, но дело приняло такой оборот, что Ли Бэньшань не мог остаться в стороне. Глава клана собрал людей и отыскал беглеца. Когда Ли Цинжуй пришёл за ними, толпа как раз пыталась убедить Маоцюня, что нужно просто потерпеть, и всё наладится.

Но Ли Маоцюнь терпел больше двадцати лет, и чаша его терпения переполнилась. Сначала он думал о разделе имущества, но, услышав о походе Ли Цинжуя, решил уйти, желая спастись от своей семьи, словно от чумы.

В деревне все знали о бедах Маоцюня, и госпожа Чэнь, видя его решимость, не нашла слов для утешения.

Солнце уже стояло в зените, когда Ли Цинжуй с родными прибыли в город и встретились с Ли Цинвэнем.

Ли Цинчжо, не в силах больше оставаться в аптеке, всё это время ждал старшего брата. Едва завидев Цинжуя, он твердо заявил, что тоже идёт на Север.

Матушка Чэнь воспротивилась первой. Из всех её детей второй сын всегда был самым слабым. С самого рождения он рос болезненным, и любое дуновение холодного ветра или летний зной могли уложить его в постель. Сколько тревог она перенесла, выхаживая его!

Госпожа Цзян тоже покачала головой: Цинчжо казался ей даже слабее её самой. На севере холода лютые, и после двух месяцев изнурительного пути его тело могло просто не выдержать.

Но Ли Цинчжо стоял на своём:

— Я просто часто простужаюсь, матушка. Учитель не раз меня осматривал и не нашёл никакой тайной хвори. Мне просто нужно одеваться теплее. Я возьму с собой травы от лихорадки и сам буду готовить отвары в пути.

— Рана старшего брата Цзяна тяжела, и за ней нужен глаз да глаз. Если рядом будет кто-то сведущий в медицине, всем будет спокойнее. Я уже получил дозволение у учителя, — Ли Цинчжо взглянул на старшего брата. — Цинжуй, когда мы отправимся туда, нас будет много, а на обратном пути останемся только мы. Чем больше людей в таком походе, тем легче дорога.

Такой довод, подкреплённый уже принятым решением, не оставил Ли Цинжую выбора. Ему

пришлось согласиться.

Вся компания без промедления направилась к ямэню. Старший брат, отвесив низкий поклон, обратился к привратнику по поводу подорожных грамот. Тот лениво ответил, что начальника канцелярии и помощника главы уезда нет на месте. Однако, получив горсть медных монет, он сменил гнев на милость, хоть суть ответа и не изменилась:

— Кажется, господа ушли на обед к какому-то богатому покровителю. Когда вернутся — бог весть. Если дело не горит, загляните завтра.

Ли Цинжуй нахмурился.

— Дядя Дацюань, дело не терпит отлагательств. Прошу вас, задержитесь в городе ещё на какое-то время.

— Пустое, в деревне сейчас дел особых нет, — Го Дацюань отмахнулся. — Я могу хоть до ночи здесь простоять.

Матушка Чэнь, нервно теребя край рукава, окинула взглядом величественные ворота ямэня и вдруг вспомнила об одном человеке.

— Цинжуй, а как же твой восьмой дядя? Он ведь, кажется, служит здесь.

— Вы не ошиблись, матушка. Дядя Шаньянь работает бухгалтером в канцелярии. Два года назад мы с отцом случайно встретили его.

В глазах Ли Цинжуя блеснула надежда. Как говорится, «в ямэне без своего человека и шагу не ступишь». Хоть он и не любил обременять родню просьбами, сейчас на кону стояло слишком многое. Выведав у привратника адрес Чэнь Шаньяня, Ли Цинжуй купил скромные подарки и вместе с матерью отправился с визитом.

Чэнь Шаньянь был сыном старшего дяди матушки Чэнь — её двоюродным братом. С юных лет он служил книжником в богатом доме и редко навещался в родную деревню, так что матушка видела его лишь несколько раз в жизни.

Дом его находился на улице за зданием ямэня, совсем неподалёку. На стук вышла пожилая служанка. Узнав, кто пришёл, она внимательно осмотрела гостей и пригласила их войти.

К счастью, Чэнь Шаньянь был дома. Он сразу узнал сестру и племянника.

— Племянничек-то весь в отца пошёл! Статный, видный парень. В вашей семье все сыновья как на подбор!

Госпожа Чэнь лишь вымученно улыбнулась — сердце её было не на месте. После недолгих любезностей Ли Цинжуй изложил суть дела.

Восьмой дядя надолго замолчал, а затем произнёс:

— Я знаю, ваша семья славится благородством. Но тот человек — государственный преступник, и нам, простым людям, с ним не по пути. Вы помогли ему с лекарем, одарили лекарствами, подмазали стражников — долг чести исполнен. К чему этот безумный поход в такую даль?

Матушка Чэнь опешила. Она не ожидала, что брат станет отговаривать её.

— Мы с тобой родная кровь, потому и говорю начистоту, — неспешно продолжал Чэнь Шаньань. — У него есть свои отец, мать, братья и сёстры. Если им дела нет, с какой стати вы должны рисковать жизнями?

Ли Цинжуй молча смотрел на него.

— Я слышал, вы много лет скитались, пытаясь исцелить младшего, и жизнь ваша была несладкой, — наставительно произнёс Шаньань. — Если из-за этого каторжанина пострадают мои племянники, как вы потом смотреть друг другу в глаза будете?

— Раньше мы и впрямь нуждались, — тихо проговорила госпожа Чэнь. — Но теперь всё иначе. Цинвэнь поправился, а наше сахарное дело приносит добрый доход... Брат, вы не понимаете. Наш благодетель тяжело ранен. Без заботливых рук он не жилец...

При слове «сахар» глаза Чэнь Шаньаня заинтересованно блеснули.

— Сахарное дело? Откуда же у вас такое умение? Прежде я о подобном не слыхивал.

— Мы проращиваем солод и варим сахар из пшеницы, придаём ему разные формы... — матушка сбилась, мысли её путались. — Сегодня мы пришли в спешке, в следующий раз обязательно принесу вам на пробу.

Бухгалтер расспросил ещё немного о производстве сладостей. Женщина, хоть и томилась душой, отвечала учтиво — ей нужно было расположить к себе родственника. Об одном лишь она твёрдо решила молчать: о том, что всему их научил младший сын.

Несмотря на все уговоры, Ли Цинжуй твердо стоял на своём. Чэнь Шаньань лишь развёл руками и вздохнул:

— Что ж, раз воля ваша крепка, я схожу за господами чиновниками. Но вы сами знаете: в ямэне одних слов мало. Чтобы господа взяли за кисть, нужно их труды оплатить...

— Мы всё понимаем, — поспешно закивала матушка. — Всё приготовили. Только не знаем, сколько надобно. Брат, шепните нам, на что рассчитывать...

Шаньань велел им ждать у ворот ямэня, а сам отправился на поиски. Ли Цинжую не понадобился знак матери — он сам незаметно вложил серебро в руку дяди.

Чэнь Шаньань привычным жестом взвесил монеты и улыбнулся:

— Ваша семья редко о чём просит. Уж я, ваш дядя, расшибусь в лепёшку, но дело устрою. Ждите здесь с миром.

Семья Ли укрылась в тени деревьев напротив ворот. Пока Ли Цинжуй обсуждал с матерью последние покупки, Ли Цинфэн мрачнел с каждой минутой. Даже хилый второй брат шёл на Север, а ему места не нашлось.

Заметив, как у того ходят желваки на скулах, Ли Цинчжо тихо произнёс:

— Отец и третий брат в отъезде. Разве можно оставить матушку и невесток одних?

— Тогда бы ты дома и оставался! — огрызнулся Цинфэн.

— Если я не пойду, матушка заставит меня и дальше учиться в аптеке. Мне дома сидеть не положено, — спокойно ответил Цинчжо. — Если случится ещё раз куда ехать — уступлю тебе.

Второй брат всегда держал слово, и этот довод немного утихомирил буйный нрав четвёртого.

Чэнь Шаньань слов на ветер не бросал. Вскоре он вернулся и сообщил, что начальник канцелярии и помощник главы уезда изрядно захмелели, но велели ему самому подготовить документы в ямэне, а они лишь приложат печати.

После нескольких часов беготни и волнений Ли Цинжуй наконец получил подорожные грамоты на четверых человек.

<http://bllate.org/book/15828/1435971>